

ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-181-196

УДК 130.2

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОГРЕССА: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ, ПРИРАЩЕНИЕ, ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Ополев Павел Валерьевич,

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии Сибирского государственного
автомобильно-дорожного университета,
Россия, 644080, г. Омск, пр. Мира, 5
ORCID: 0000-0001-8313-0975
pvo-sinergetica@rambler.ru*

Аннотация

Размышления о поступательном движении, в ходе которого происходит переход от простого к сложному, от менее совершенного к более совершенному, нашли свою концептуализацию в представлениях о прогрессе. В историко-культурной традиции мы наблюдаем трансформацию представлений о роли прогресса в жизни общества и человека. Объективно-всеобщая интерпретация прогресса занимала определяющее место, начиная с эпохи Просвещения. Отмечается, что субъективно-личностная интерпретация прогресса выходит на первый план по мере разочарования в концепте поступательного развития цивилизации. В настоящей работе мы предлагаем рассмотреть прогресс как процесс антропокультурного усложнения. Намечена взаимосвязь между объективно-всеобщей и субъективно-личностной интерпретацией прогресса, которая может быть описана через идеи перераспределения, приращения и совершенствования. Данные смыслы позволяют не только рассмотреть особенности социокультурной динамики, но и выявить, какого рода стратегии прогрессивного развития актуальны для современного человека. В XX в. мы наблюдаем возвращение на качественно ином уровне к одному из наиболее архаических смыслов усложнения: к усложнению через перераспределение. Однако если в мифологии перераспределение осуществлялось благодаря сакрально-мистической жертве, то в настоящее время перераспределение мыслится как утилитарно-прагматистский принцип.

Ключевые слова: перераспределение, приращение, прогресс, совершенствование, сложность, усложнение, философия культуры, философская антропология.

Библиографическое описание для цитирования:

Ополев П.В. Антропологическое измерение прогресса: совершенствование, приращение, перераспределение // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 1, ч. 1. – С. 181–196. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-181-196.

Идея прогресса составляет одну из базовых мифологем западноевропейской цивилизации. Исторически наблюдается сакрализация идеи прогресса, сращивания и смешения мифологических образов прогресса с его идеологическим содержанием. Мысль о необходимости непрерывного развития, совершенствования технологий и социокультурных форм закладывается в основание многих идеологических систем, принимая формы историко-философского мистицизма.

Проблема прогресса имеет обширную историографию. Отметим основные вехи эволюции представлений о прогрессе. Условно выделяют циклические, линейные и комбинированные модели социокультурного развития. По мысли П.А. Сорокина [17, с. 4], древнейшие представления о социокультурных трансформациях были заданы концепциями циклическости. Деятельность древних земледельческих цивилизаций, представления древневосточных религий основывались на идеях непрекращающегося круговорота. Циклические концепции встречаются также в трудах древних историков (Фукидид, Плутарх, Ксенофонт, Геродот, Полибий, Флор).

В рамках зрелых монотеистических религий (особенно христианства) проблема социальных перемен решалась иначе. Христианство проблеме развития западной цивилизации решало через создание единой магистральной линии развития. Человечество движется к некоему будущему совершенному состоянию, которое описывается как Царство Божье на Земле. Некоторые современные исследователи (например, Р. Нисбет в работе «Прогресс: история идеи» [15]) подчеркивают христианское происхождение идеи прогрессивного развития.

В рамках антропоцентризма эпохи Возрождения предпринята попытка примирить линейные и циклические представления о развитии человечества. Т. Кампанелла предполагает, что религиозное и политическое движение в обществе имеет циклы, которые перемежаются периодами линейного развития. В работах Н. Макиавелли историческое развитие человечества подразумевает переход от «упорядоченности к беспорядку» и от «беспорядка к новому порядку» [11, с. 410].

Идея прогресса в XVIII в. активно рассматривалась Вольтером, Д. Дидро, Ж.Л. Д’Аламбером и многими другими, однако наиболее последовательным в этом вопросе был Ж. де Кондорсе, настаивавший на идее безграничного и непрекращающегося совершенствования, которое никогда не прекратится.

Классическая западная наука переосмыслила понимание сущности развития, сформировав идею стадильности социально-культурной динамики. Идеи стадильности прослеживаются в работах А.Р. Тюрго, К.А. Сен-Симона, О. Конта, Г. Спенсера, И.Г. Гердера, Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса и Ф. Энгельса. Социальное развитие рассматривается как процесс кумулятивный, в котором происходит приращение материальных и духовных благ. Прогресс рассматривается как воплощение торжества человеческого разума, неизбежно ведущего человечество к совершенству.

Снятие отождествления эволюции и прогресса принадлежит диалектике Г.В.Ф. Гегеля, в рамках которой мы встречаем проработанную модель спиралевидного развития. Диалектика настаивает на идее вечного развития мира, единстве поступательности и преемственности. Существенное воздействие на представления о прогрессе также оказала неклассическая наука в лице термодинамики. Если Новое время основывается на идее сохранения движения и энергии, а также на идее бесконечной вселенной, то весь XX в. покоится на осознании роли и мировоззренческого статуса второго начала термодинамики, идее исчерпаемости энергии.

В XX в. нарастает разочарование во всеобщем прогрессе. Современные представления о социокультурном развитии по большей части носят комбинированный характер. Известный философ науки Э. Ласло предложил четыре модели, описывающие динамику развития общества и культуры: круговой патерн, геликоидальный патерн, линейный патерн и нелинейный патерн [10, с. 54–59]. Отечественный ученый Н.Н. Моисеев в развитии общества особое внимание уделял нелинейности, благодаря которой складываются разнонаправленные тенденции общественного развития [13, с. 69]. В работе П. Фейерабенда «Прогресс в философии, науке и искусстве» развитие во всех сферах общества связывается со способностью к творчеству [20, с. 216]. В статье И.А. Гобозова «Прогресс или регресс общества?» предлагается выделять объективный и субъективный аспекты прогресса. Объективно он связывается с исторической тенденцией восходящего движения общества к совершенству. Субъективный фактор связывается с активностью и желаниями самих людей [6, с. 40, 41]. Постмодернизм в лице М. Фуко заговорил о несоизмеримых конкретно-исторических эпистемах, которые обуславливают множественность векторов развития человечества. В.В. Емельянов в работе «Исторический прогресс и культурная память» отмечает принципиальную взаимосвязь между прогрессивным развитием и степенью актуализации культурной памяти [9, с. 50].

Подводя промежуточные итоги, отметим, что, с одной стороны, прогресс осмысляется как объективный, всемирно-исторический процесс, в котором осуществляется приращение достижений (от научно-технических до нравственных). Прогресс рассматривается как свидетельство успехов че-

ловечества в овладении природой. С другой стороны, осознание взаимосвязи между прогрессом и гуманитарной проблематикой происходит относительно недавно.

Возникает закономерный вопрос: в чём состоит эвристическая значимость рассмотрения прогресса как процесса антропокультурного усложнения? По нашему мнению, необходимость такого рода рассмотрения определяется следующими обстоятельствами.

Во-первых, необходимо выявить взаимосвязь абстрактно-всеобщего и субъективно-личностного измерения прогресса. В настоящей работе мы предлагаем рассмотреть усложнение через процессы совершенствования, приращения и перераспределения, но не в абстрактно-всеобщем, а в субъективно-личностном контексте. Эти идеи диалектически связаны друг с другом, актуализируются в отдельные исторические периоды, определяя векторы развития представлений о человеке. Иначе говоря, в работе предлагается рассматривать прогресс как возможный процесс «усложнения» человека: совершенствования его природы, приращения качеств (телесных, нравственных и других), перераспределения внутренних ресурсов.

Во-вторых, необходимо понять место человека в пространстве возрастающей социокультурной сложности. Антропологическое измерение прогресса позволяет нам выделить концепт «сложного человека». Если мы говорим, что в основании процесса прогрессивного развития лежит процесс усложнения, то следует признать, что человек также в той или иной форме «усложняется».

В-третьих, антропологическое измерение прогресса позволяет лучше понять, как влияет прогресс на отдельного человека и на человечество в целом. Так, усложнение социотехнических систем бросает «вызов» сложности человека, с одной стороны, стимулируя его потенциальные возможности, а с другой – усиливая процессы отчуждения.

Понятие «прогресс» является идеологически нагруженным, оно не только описывает процессы совершенствования социокультурных форм, развития человеческого разума, но и задает концепцию человеческого благополучия, предписывает его определенные антропологические формы. «Во имя мира и прогресса» – таков призыв, написанный на одном из советских плакатов, отражающих аспекты коммунистической утопии. Образы «светлого будущего» занимают особое место именно в советской фантастике. Можно сказать, что разум и прогресс там имеют ярко выраженное антропологическое измерение. Прогресс облагораживает человека, раскрывает его потенциальные возможности, избавляет от заблуждений и приближает к благу.

В настоящее время мы вынуждены констатировать потерю антропологического измерения прогресса. Складывается впечатление, что челове-

ство потеряло гуманитарный вектор прогрессивного развития, оказывается увлечено его инерцией. Как замечает Н.А. Бердяев, «прогресс превращает каждое человеческое поколение, каждое лицо человеческое, каждую эпоху истории в средство и орудие для окончательной цели – совершенства, могущества и блаженства грядущего человечества, в котором никто из нас не будет иметь удела» [3, с. 147]. В историко-культурной традиции происходит трансформация представлений о прогрессе: из естественного, закономерного процесса совершенствования человеческого разума, процесса избавления от предрассудков он превращается в слабо осмысленный поток инноваций.

Мы, с одной стороны, наблюдаем повсеместное усложнение материальной культуры, а с другой – динамику развития современной цивилизации вряд ли можно назвать прогрессивной. По крайней мере, прогресс – это уже не линейное движение от простых социокультурных форм к сложным. Явный прогресс демонстрирует только материальная культура, в то время как духовная культура показывает противоречивые тенденции: арханизацию, деградацию, люмпенизацию, маргинализацию и т. д.

Этимологически понятие «прогресс» происходит от латинского слова *progressus*, буквально означающего «успех, продвижение вперед» [19, с. 372]. Выражение идеи прогресса связано с представлениями об усложнении – переходе от простых социокультурных форм к более сложным. Усложнение можно считать одним из ключевых признаков прогресса, а сложность – показателем отличия одной ступени развития от другой. Мы полагаем, что прогресс следует описывать через концепт усложнения, не забывая о том, что усложнение не эквивалентно прогрессивному развитию. Усложнение необходимо мыслить в антропокультурном измерении, когда сложность культуры и человека детерминируют друг друга, порождают пространство обратных связей. В настоящее время мы наблюдаем конфликт между «исчислимой» сложностью материальной культуры и «неисчислимой» сложностью культуры духовной, противостояние между прагматическими ценностями и неутилитарными смыслами.

В настоящее время прогресс принимает формы социотехноэволюции (В.И. Аршинов, Б.Г. Буданов), неконтролируемого, нелинейного расплывания организационных множеств. Роль духовной культуры в этом процессе выглядит слабо выраженной. Социокультурная динамика теряет гуманитарный вектор своего развития. Ряд современных исследователей заговорили о сложности как факторе социокультурной динамики (В.С. Аршинов, Б.Г. Буданов) [1], реальном фрагменте культуры (А.С. Утробин) [15], антропологическом феномене (И.А. Донникова) [7]. Сложность и усложнение, по нашему мнению, следует рассматривать как единый антропокультурный феномен, который обладает нереализованным эвристическим

потенциалом для снятия противоречий в оценке понятия «прогресс», в становлении «сложного человека» (А.Г. Асмолов) [2], адекватного антропологическим вызовам будущего.

Мы предлагаем выделять три смысла, вкладываемых в представления о социокультурном усложнении: улучшение, приращение и перераспределение. Данные смыслы находятся в диалектической связи друг с другом, однако исторически, по нашему мнению, наблюдается преобладание одного из них. В одной из наших работ [16] мы обозначили объективно-всеобщую роль указанных принципов в понимании прогресса. Усложнение, понятое как приращение, предполагает процесс накопления, прибавления чего-либо, увеличение разнообразия. Усложнение как улучшение предполагает процесс совершенствования. Совершенное – это более полезное, более эффективное, более желательное. Вместе с тем усложнение зачастую оказывается возможным только через перераспределение, утрату, упрощение. В рамках настоящей работы мы предлагаем посмотреть на эти принципы в субъективно-личностном аспекте, выявить взаимосвязь объективно-всеобщего и субъективно-личностного измерения прогресса. Базовой интуицией нашей работы является утверждение о том, что улучшение, приращение и перераспределение конкретизируют не только представления о всеобщем прогрессе, но и позволяют наметить его антропологическое измерение.

Усложнение через перераспределение является исторически первой моделью описания усложнения. Образ жертвы (как коллективной, так и индивидуальной) занимает особое место во многих мифологических системах. Насильственная смерть в ряде мифологий мыслится как созидательное начало, активирующее переход от простого к сложному. Многие космогонические мифы древности непосредственно связаны с космической жертвой (добровольной или принудительной). Мировое разнообразие разворачивается благодаря самопожертвованию, в котором единое рождает многое, простое объемлет в себе потенцию сложного.

В историко-культурной перспективе усложнение через перераспределение является первичным и предшествует остальным формам. Вспоминается древнегреческий образ благородного титана Прометея, который иницирует прогресс человечества, по сути, принося себя в жертву. Мифология Античности и религии Древнего Востока изобилует образами жертвы, баланса, вечных повторяющихся циклов, которые сопровождают бытие природы, общества и человека.

В современной социокультурной ситуации мы сталкиваемся со своеобразным парадоксом: человек ощущает себя жертвой прогресса, который сам же и иницирует. С одной стороны, прогресс выступает как разворачивание, опредмечивание человеческой сущности в многообразии мате-

риальной и духовной культуры. С другой стороны, в современном мире многообразие проявлений отдельного человека, его свобода и потенциальная сложность как бы приносятся в «жертву» безличному усложнению материальных и идеальных систем.

Мотив совершенствования, приращения блага и добродетели становится определяющим векторы развития культуры и общества в рамках философии и культуры Древней Греции. Представления о приращении (знаний, умений, навыков), движения от нужды к достатку мы встречаем в упомянутом мифе о Прометее. Идеалы калокагатии, пайдеи представляют собой социально-этические понятия, в которых рисуется эталон гармонической личности, обладающей физическим и духовным совершенством. В рамках этического рационализма Сократа постулируется идея о том, что приращение истинного знания способствует нравственному совершенствованию человека. В платоническом проекте совершенной личности, в учении о человеческой душе (образ «души колесницы») появляется мотив совершенствования через перераспределение, поддержание баланса между противоположными человеческими стремлениями.

На качественно ином уровне мотив совершенствования воспроизводится в христианстве. С одной стороны, в рамках христианства особое место занимает идея жертвенности и искупления. С другой стороны, совершенное переносится в трансцендентную сферу, получает телеологический характер и связывается с представлениями о Божественном промысле. Социально-этический смысл совершенствования, развитый в Античности, вытесняется социально-мистической его интерпретацией, охватывая не только бытие личности, но и весь исторический процесс. Смысл и назначение истории связывается со сферой трансцендентного бытия. На первый взгляд, в христианстве слабо проявлена идея перераспределения и приращения. Христианство, вопреки расхожим мнениям, не допускает никакого баланса, компромисса между добром и злом, грехом и добродетелью. Однако, например, в католическом богословии имеют место так называемые «сверхдолжные заслуги», в которых мы встречаем идею «приращения» добрых дел и их последующего «перераспределения».

В историко-культурной традиции мы в той или иной форме наблюдаем каждый из наблюдаемых смыслов. В эпоху Нового времени, по мере процессов секуляризации, социокультурное усложнение начинает осмысляться как телеономический процесс: естественный ход вещей, в котором происходит как совершенствование разума, так и приращение знаний, человеческого благополучия, избавления от социальных проблем. Антропологическое измерение прогресса подчеркивал в своих работах И. Кант. В рамках диалектики Г.В.Ф. Гегеля идея усложнения как единство моментов приращения, совершенствования и перераспределения нашла свою

философскую форму в виде известных законов диалектики. Эта идея находит свою концептуализацию в представлениях об эволюции и продолжает свое развитие в рамках материалистической интерпретации диалектики: прогресс связывается с движением к совершенству, раскрытием человеческой природы, преодолением отчуждения.

В науке идеи баланса и равновесия нашли свое отражение в изучении таких феноменов, как гомеостаз, аутопоэзис и самоорганизация. Во второй половине XX в. активно продвигается идея о том, что материальные ресурсы не безграничны (доклад Римского клуба «Пределы роста»). По мысли В.В. Емельянова, «для того чтобы существовало прогрессивное развитие одной части мира, должны быть отняты материальные ресурсы (а значит, и условия нормального развития) у всех остальных частей живого человечества» [9, с. 53]. Идея баланса, перераспределения ресурсов (не только материальных, но и экономических, человеческих, духовных) сыграла определяющую роль в целом ряде геополитических моделей современности (метафора «золотого миллиарда»).

В XX в. идея перераспределения становится определяющим фактором социокультурной динамики, получая антропологическую интерпретацию. Поиск социокультурного баланса также нашел свое отражение в тенденциях эгалитаризации современного общества, идеях толерантности и мультикультурализма. Разочарование в прогрессивном развитии современной цивилизации, повсеместная утрата «исторического оптимизма» актуализируют тенденции духовного поиска отдельной личности. В течение всего XX в. мы наблюдаем повышенный интерес (сохраняющийся до сих пор) к иррациональному, бессознательному, эзотерическим и разного рода синкретическим учениям и духовным практикам. Открытие З. Фрейдом защитного механизма психики (сублимации), необходимости в перераспределении внутреннего психического напряжения позволило взглянуть на человека под другим углом. В работах М. Фуко прогресс получает личностное измерение, связывается с саморазвитием личности, выходом за пределы господствующего дискурса [22, с. 25]. По мысли Ж. Бодрийера, «ни Революция, ни философия Просвещения, ни критическая утопия не способствовали преодолению противоречий, и если те или иные проблемы всё же решались, то это происходило только за счет нарушения негативного баланса, рассеивания отрицательной энергии в сторону симуляции» [4, с. 65].

Вопросы о духовном прогрессе личности, нравственном регрессе занимают особое место в литературе XX в. Человек XX в. противопоставляет личный духовный поиск безличному прогрессу, внешней среде. Прогресс наряду с всеобщими-объективными характеристиками получает субъективно-личностную интерпретацию. Современный человек также «одержим» раз-

витием своих способностей, личностным ростом, поиском физического и духовного совершенства. Всё свободное время современного человека должно быть подчинено полезному времяпровождению, улучшению своей эффективности, получению полезных знаний и навыков.

В настоящее время меняется не только характер теоретических концепций социокультурной динамики, но и происходит переосмысление представлений о прогрессе в социокультурном пространстве. В XX в. мы наблюдаем возвращение на качественно ином уровне к одному из наиболее архаических смыслов усложнения – усложнению через перераспределение. Однако если в мифологии перераспределение осуществлялось благодаря сакрально-мистической жертве, то в настоящее время перераспределение мыслится как утилитарно-прагматистский принцип, экстраполирующий идеи научного управления (тейлоризма, фордизма и т.п.) на все сферы общественной жизни. Такого рода подход усиливает технократизацию, бюрократизацию и обезличивание общественных отношений.

Идея равновесия, баланса и жертвы причудливо воспроизводится в массовой культуре. Известная киноэпопея в жанре космической оперы «Звездные войны» рисует нам мир, в котором особое место занимает идея баланса. Предметом равновесия выступает такое духовно-мистическое понятие, как «сила». «Сила» имеет объективные основания, но всегда находит субъективное выражение. Все сюжетные перипетии завязаны на поиск равновесия как в объективно-всеобщем (космическом), так и субъективно-личностном смысле. Прогресс оказывается связан этическим совершенствованием, обузданием личных страстей, по сути, возвращая нас к размышлениям стоиков.

Одним из самых кассовых фильмов последних лет стал фильм «Мстители: финал». Этот фильм представляет собой яркий образец массовой культуры последних лет, также возвращающий нас к идеям перераспределения и баланса. Сюжет фильма вращается вокруг «камней бесконечности», обладание которыми делает носителя всемогущим. Главный антагонист Танос (аллюзия на греческого бога смерти Танатоса) одержим идеей порядка во Вселенной. Препятствием для достижения космического равновесия, гармонии является дефицит ресурсов. Для достижения равновесия Танос ни много ни мало предлагает уничтожить половину всех разумных существ во Вселенной. Фактически здесь мы встречаем столкновение двух смыслов идеи усложнения через перераспределение: сакрально-мистической жертвы и безличного баланса.

Примечательно, что такого рода «прагматизм» оказывается свойственен не только выдуманному персонажам. Так, известный французский исследователь мирового океана Ж.-И. Кусто в интервью журналу «Курьер. Юнеско» в 1991 г. рассуждает о последствиях долгосрочного неконтролируемо-

го роста народонаселения и делает вывод, что для стабилизации этих показателей необходимо ликвидировать 350 тысяч человек в день [23, р. 13]. В рамках современной ситуации с пандемией коронавируса можно также встретить публичные высказывания о том, что человечество только выиграет, если избавится от «недостойных» – малоимущих, социально необеспеченных слоев населения. История с глобальной борьбой человечества с вирусом обрастает конспирологическими гипотезами, в которых подчеркиваются попытки «высших сил» управления человеческим ресурсами. Современные решения кризис-менеджмента легко приносят в жертву интересы личности во благо стабильности системной организации. Холодный прагматизм является оправданием экономической целесообразности, прикрываясь идеями всеобщего благополучия. В настоящее время мы наблюдаем повышенный интерес научного сообщества к принципу коэволюции, в рамках которого преодолевается такого рода односторонний подход. Вместе с тем полагаем, что нужно избегать крайности: нельзя абсолютизировать роль биологической эволюции, в полной мере уподоблять социокультурные трансформации биологическим.

Идея прогресса как неуклонного линейного движения от простых социокультурных форм к более сложным в XX в. превратилась в свою противоположность. Совершенствование форм человеческого общежития сопровождается деградацией, регрессом. Размышляя о природе прогресса, В.А. Гуторов отмечает, что «философские концепции прогресса искажали и упрощали реальность, постулируя идеи, заведомо противоречащие реальным фактам и сложным процессам» [7, с. 38]. Вместе с тем размышления об антропологическом измерении прогресса и его перспективах по-прежнему сохраняют актуальность.

Следует признать, что понятие «прогресс» в настоящее время в полной мере не отражает социокультурные трансформации современности. Полагаем, что антропологическое измерение прогресса имеет как объективно-всеобщую, так и субъективно-личностную интерпретацию. Идея универсального прогресса социальных и культурных форм, доведенная до крайности, утрирует многообразие исторического опыта, исключает самого человека как субъекта культуры. Утрата представлений о гуманитарной стороне социально-культурной динамики осознается как обратная сторона прогрессивных изменений. Возникает потребность выявить личностное измерение социально-культурной динамики, обозначить особенности ее протекания в разных сферах: интеллектуальной, нравственной, социальной, культурной и т. д.

Понятие «усложнение» является одним из ключевых признаков прогресса, позволяет снять накопившиеся противоречия в оценках прогрессивного развития человечества и отдельного человека. Усложнение явля-

ется не только аспектом всеобщей социально-культурной динамики, но и аспектом бытия отдельной личности. Усложнение человека, изменение представлений человека о самом себе оказывает опосредованное воздействие на осмысление векторов прогрессивного развития.

Мы полагаем, что социокультурные трансформации сопровождаются «усложнением» человека. Здесь возникает закономерный вопрос: в каком смысле усложняется человек?

Идею усложнения человека, по нашему мнению, можно отразить в нескольких положениях. Во-первых, сложность человека не является случайной, она отражает особенности биологической среды обитания. Современная эволюционная эпистемология и концепции энактивизма убедительно показывают, что наши познавательные способности в определенной мере изоморфны окружающей нас действительности [21, с. 239]. Получается, что повышение природного (а также культурного) разнообразия оказывает воздействие на сложность человека (в том числе и когнитивную). Во-вторых, жизнь человека даже в самых своих примитивных культурных формах «производит» культурную сложность. Человек не только выступает «продуктом» биологического усложнения, но и сам выступает творцом культурного многообразия. В результате этого усложнение человека принимает формы самоусложнения. Специализированные формы культуры (например, искусство) являются отражением процессов самоусложнения человека. Например, способность к рефлексии (эстетической, философской и т. п.), по нашему мнению, вполне можно рассматривать как пример усложнения человека. В-третьих, сложность человека обнаруживает обратные связи со сложностью культуры. По мысли А.В. Маркова, «самоподдерживающаяся коэволюция мозга и культуры чем-то напоминает барона Мюнхгаузена, вытаскивающего себя за волосы из болота: нет никаких внешних причин или стимулов для развития, но растущий мозг и развивающаяся культура подталкивают друг друга, заставляя развиваться всё сильнее» [12].

Усложнение необходимо рассматривать как антропокультурный процесс, в котором происходит актуализация антропологических смыслов прогрессивного развития. «Убегающая сложность» (Э. Гидденс) [5, с. 34, 35] современного мира, «сложное мышление» (Э. Морен) [14, с. 108], «сложный человек» (А.Г. Асмолов) [2] из эвристических метафор обретают категориально-понятийный статус для описания социокультурных трансформаций современного мира. Развивающиеся теории сложности (complexity theory), по нашему мнению, могут сыграть роль интегрирующего фактора, позволяющего наметить конвергенцию между прикладными и фундаментальными антропологическими проблемами. Так, в работе «Сложность в антропологии» зарубежных исследователей С. Лансинга и Ш.С. Дауни мы обнаружи-

ваем использование количественных моделей сложности и эволюционной динамики для анализа прикладных проблем антропологии [24].

Объективно-всеобщая интерпретация прогресса занимала определяющее место, начиная с эпохи Просвещения, в то время как субъективно-личностная интерпретация прогресса актуализируется, начиная с XX в. Примерно в это же время мы наблюдаем концептуализацию в науке и обществе идеи баланса и равновесия и попытку его социально-политического и антропологического освоения. Приращение, совершенствование и перераспределение находят свою актуализацию в специализированных формах культуры XX в., в рамках которых обостряется противоречие между объективно-всеобщей и субъективно-личностной интерпретацией прогресса, духовным поиском личности и безличным прогрессом. Мы полагаем, что «усложнение» человека не является метафорой. В работе мы также показали, как указанные аспекты прогресса получали антропологическую интерпретацию, изменяя представления человека о самом себе. В настоящее время в историко-культурной традиции происходит трансформация принципа перераспределения: архаичный образ личной жертвы вытесняется прагматизмом и утилитаризмом. Вместе с тем считаем критически важным такого рода прагматизм дополнить идеями нравственного совершенства. Размышления о «сложном мире», «сложном обществе» следует дополнить представлениями о «сложной этике», «сложном человеке», способном к рефлексии, обладающем представлениями о конечных смыслах собственного бытия.

Литература

1. *Аршинов В.И., Буданов В.Г.* Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий // Вопросы философии. – 2016. – № 1. – С. 59–70.
2. *Асмолов А.Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 40. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html> (дата обращения: 15.02.2021).
3. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 176 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность Зла. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
5. *Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
6. *Гобозов И.А.* Прогресс или регресс общества? // Философия и общество. – 2015. – № 3–4. – С. 34–50.
7. *Гуторов В.А.* О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. – 2017. – № 12. – С. 24–45.
8. *Донникова И.А.* Культурогенная сущность социальной самоорганизации. – Одесса: Печатный дом, 2011. – 280 с.

9. Емельянов В.В. Исторический прогресс и культурная память (о парадоксах идеи прогресса) // Вопросы философии. – 2011. – № 8. – С. 46–57.
10. Ласло Э. Век бифуркации: постижение изменяющегося мира // Путь. – 1995. – № 1. – С. 54–59.
11. Макиавелли Н. Государь: сочинения. – М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 2001. – 656 с.
12. Марков А.В. Козволюция мозга и культуры – вероятный механизм становления человеческого разума // Элементы. – 2020. – 25 мая. – URL: https://elementy.ru/novosti_nauki/433657/Koevoljutsiya_mozga_i_kultury_veroyatnyu_mekhanizm_stanovleniya_chelovecheskogo_razuma (дата обращения: 15.02.2021).
13. Моисеев Н.Н. Естественнонаучное знание и гуманитарное мышление // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2. – С. 63–75.
14. Морен Э. Метод. Природа Природы. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.
15. Нисбет Р. Прогресс: история идеи. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 557 с.
16. Ополев П.В. Усложнение и упрощение в социокультурной динамике // Философия хозяйства. – 2019. – № 1. – С. 110–128.
17. Сорокин П.А. Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // Социологические исследования. – 1998. – № 12. – С. 3–14.
18. Утробин И.С. Категория сложности и конкретно-всеобщая теория развития // Новые идеи в философии. – 1994. – № 2. – С. 56–67.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. (Муза-Сят) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
20. Фейерабенд П. Прогресс в философии, науке и искусстве // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. 18, № 4. – С. 215–231.
21. Фольмер Г. По разные стороны мезокосма // Эволюционная эпистемология: антология / науч. ред., сост. Е.Н. Князева. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – С. 225–237.
22. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сад, 1994. – 406 с.
23. Interview with Jacques-Yves Cousteau / by B. Elnadi and A. Rifaat // The Unesco Courier. – 1991. – № 11. – P. 8–13.
24. Lansing J.S., Downey S.S. Complexity and Anthropology // Philosophy of Complex Systems. – Amsterdam: Elsevier / North Holland, 2011. – P. 569–601.

Статья поступила в редакцию 05.05.2020.

Статья прошла рецензирование 14.07.2020.

THE ANTHROPOLOGICAL DIMENSION OF PROGRESS: IMPROVEMENT, INCREMENT, AND REDISTRIBUTION

Opolev Pavel,

*Cand. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Associate professor at the Department of Philosophy
Siberian State Automobile and Highway University (SibADI),
5 Mira Avenue, Omsk, 644080, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8313-0975
pvo-sinergetica@rambler.ru*

Abstract

Thinking about the progressive movement in which there is a transition from the simple to the complex, from the less perfect to the more perfect, the author has found its conceptualization in the ideas of progress. In the historical and cultural tradition, we observe a transformation of ideas about the role of progress in the life of society and man. The objective-universal interpretation of progress has been placed at the fore since the Enlightenment. However the subjective-personal interpretation of progress has taken the leading position nowadays as the concept of progressive development of civilization becomes disappointing. In this paper the author considers progress as a process of anthropocultural complication, to outline the relationship between the objective-general and subjective-personal interpretations of progress, which can be described through the ideas of redistribution, increment and improvement. These meanings allow us not only to consider the features of socio-cultural dynamics, but also to identify what kind of progressive development strategies are relevant for modern man. In the twentieth century, we see a return on a qualitatively different level to one of the most archaic meanings of complication: complication through redistribution. However, if in mythology redistribution was carried out due to a sacral-mystical sacrifice, at present redistribution is thought of as a utilitarian-pragmatic principle.

Keywords: redistribution, increment, progress, improvement, complexity, complication, philosophy of culture, philosophical anthropology.

Bibliographic description for citation:

Opolev P. The Anthropological Dimension of Progress: Improvement, Increment, and Redistribution. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 1, pt. 1, pp. 181–196. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-181-196.

References

1. Arshinov V.I., Budanov V.G. Paradigma slozhnostnosti i sotsiogumanitarnye projektsii konvergentnykh tekhnologii [The complexity paradigm and socio-humanitarian

projections of convergent technologies]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2016, no. 1, pp. 59–70. (In Russian).

2. Asmolov A.G. Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya [Psychology of modernity: the challenges of uncertainty, complexity and diversity]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2015, vol. 8, no. 40. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html> (accessed 15.02.2021).

3. Berdyaev N.A. *Smysl istorii* [Meaning of history]. Moscow, Mys' Publ., 1990. 176 p.

4. Baudrillard J. *Prozrachnost' Zla* [Transparency of Evil]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 258 p. (In Russian).

5. Giddens A. *Runaway world: how globalization is reshaping our lives*. New York, Routledge, 2000 (Russ. ed.: Giddens E. *Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'*. Moscow, Ves' mir Publ, 2004. 120 p.).

6. Gobozov I.A. Progress ili regress obshchestva? [Progress or regression of society?]. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*, 2015, no. 3–4, pp. 34–50.

7. Gutorov V.A. O nekotorykh tendentsiyakh interpretatsii kontseptsii progressa v sovremennoi sotsial'noi teorii [Some trends in the interpretation of the concept of progress in modern social theory]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2017, no. 12, pp. 24–45. (In Russian).

8. Donnikova I.A. *Kul'turogennaya sushchnost' sotsial'noi samoorganizatsii* [Cultural essence of social self-organization]. Odessa, Pechatnyi dom Publ., 2011. 280 p.

9. Emel'yanov V.V. Istoricheskii progress i kul'turnaya pamyat' (o paradokсах idei progressa) [Historical progress and cultural memory (about the paradoxes of the idea of progress)]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2011, no. 8, pp. 46–57. (In Russian).

10. Laszlo E. Vek bifurkatsii: postizhenie izmenyayushchegosya mira [The age of bifurcation: understanding the changing world]. *Put' = Way*, 1995, no. 1, pp. 54–59. (In Russian).

11. Machiavelli N. *Gosudar': Sochineniya* [The Sovereign: Essays]. Moscow, Eksmo-Press Publ., Khar'kov, Folio Publ., 2001. 656 p. (In Russian).

12. Markov A.V. Koevolyutsiya mozga i kul'tury – veroyatnyi mekhanizm stanovleniya chelovecheskogo razuma [Co-evolution of the brain and culture - a probable mechanism for the formation of the human mind]. *Elementy* [Elements]. Available at: https://elementy.ru/novosti_nauki/433657/Koevolyutsiya_mozga_i_kultury_veroyatnyy_mekhanizm_stanovleniya_chelovecheskogo_razuma (accessed 15.02.2021).

13. Moiseev N.N. Estestvennonauchnoe znanie i gumanitarnoe myshlenie [Natural science knowledge and humanitarian thinking]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, 1993, no. 2, pp. 63–75.

14. Morin E. *Metod. Priroda Prirody* [Method. Nature of Nature]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ, 2005. 464 p. (In Russian).

15. Nisbet R. *Progress: istoriya idei* [History of the idea of progress]. Moscow, IRIS-EN Publ., 2007. 557 p. (In Russian).

16. Opolev P.V. Uslozhnenie i uproshchenie v sotsiokul'turnoi dinamike [Complication and simplification in the socio-cultural dynamics]. *Filosofiya khozyaystva = Philosophy of Economy*, 2019, no. 1, pp. 110–128.
17. Sorokin P.A. Obzor tsiklicheskih kontseptsii sotsial'no-istoricheskogo protsesa [Overview of the cyclical conceptions of social and historical process]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 1998, no. 12, pp. 3–14.
18. Utrobin I.S. Kategoriya slozhnosti i konkretno–vseobshchaya teoriya razvitiya [Category of complexity and specifically-General theory of development]. *Novye idei v filosofii = New ideas in Philosophy*, 1994, no. 2, pp. 56–67.
19. Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. V 4 t. T. 3 [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vol. Vol. 3]. Moscow, Progress Publ., 1987. 832 p. (In Russian).
20. Feyerabend P. Progress v filosofii, nauke i iskusstve [Progress in philosophy, science, and art]. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology and Philosophy of Science*, 2009, vol. 18, no. 4, pp. 215–231. (In Russian).
21. Vollmer H. Po raznye storony mezokosma [On different sides of the mesocosm]. *Evolutsionnaya epistemologiya: antologiya* [Evolutionary epistemology. Anthology]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2012, pp. 225–237. (In Russian).
22. Foucault M. *Slova i veshchi: arkhologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archaeology of the Humanities]. St. Petersburg, A-cad Publ., 1994. 406 p. (In Russian).
23. Interview with Jacques-Yves Cousteau. By B. Elnadi and A. Rifaat. *The Unesco Courier*, 1991, no. 11, pp. 8–13.
24. Lansing J.S., Downey S.S. Complexity and Anthropology. *Philosophy of Complex Systems*. Amsterdam, Elsevier / North Holland, 2011, pp. 569–601.

The article was received on 05.05.2020.

The article was reviewed on 14.07.2020.